

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Александр Владимирович Сливинский

А.В. Ганин

Аннотация: В статье на основе документов российских, украинских, польских и американских архивов прослеживается жизненный путь и эволюция взглядов начальника украинского Генерального штаба в 1918 г. полковника А.В. Сливинского.

Ключевые слова: Генеральный штаб, Украинская держава, А.В. Сливинский, Гражданская война.

Abstract: The article is based on Russian, Ukrainian, Polish and American archival documents and traces the life and evolution of views of the Chief of Ukrainian General Staff in 1918 colonel A.V. Slivinskii.

Key words: General Staff, Ukrainian State, A.V. Slivinskii, Russian Civil War.

Судьбы и выбор русских офицеров в период революции и Гражданской войны, кажется, никогда не перестанут интересовать историков. Тем более, что биографии большинства представителей высшего командного состава противоборствовавших сторон еще не написаны. В частности, в поле зрения исследователей до сих пор не попадала биография начальника украинского Генерального штаба при гетмане П.П. Скоропадском — Александра Владимировича Сливинского. Между тем, на примере этого человека можно составить представление об одном из архетипов поведения офицерства в период 1917—1922 годов.

Александр Слива (Сливинский) родился 29 августа 1886 года. Он происходил из дворян Полтавской губернии, где у его отца было родовое имение¹. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1905 г.), Николаевское инженерное училище по 1-му разряду (1908 г.) с занесением имени на мраморную доску. Свою военную службу Александр начал 1 июня 1905 года. Первоначально он служил в 5-м понтонном батальоне в Киеве. В поручики офицер был произведен со старшинством с 24 марта 1910 года.

По аттестации 1912 г., данной полковником П.Ф. Рябиковым в императорской Николаевской военной академии, поручик Слива

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

«способностей хороших. В поле недостаточно находчив. Старателен, тактичен, дисциплинирован. Несколько замкнутого характера»². В 1913 г. Рябиков к этому прибавил: «В поле работает хорошо и быстро»³. Академию Сливинский окончил в 1914 г. по 1-му разряду, при выпуске 8 мая 1914 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. После академии он был прикомандирован для испытания к штабу Киевского военного округа, однако началась первая мировая война.

Знавший Сливинского с детских лет полковник С.Н. Ряснянский писал: «Он был на год моложе меня по Полтавскому кадетскому корпусу и тогда он носил фамилию: Слива. Кончил он корпус одним из первых и через 3 года⁴ пошел в академию Генерального штаба, так что окончил ее раньше меня. Во время Великой войны он был в штабе 10 кавалерийской дивизии, а позже в штабе 3 конного корпуса в то время, когда этими частями командовал знаменитый граф Келлер. Выказал себя Сливинский, рожденный Слива, во время войны очень хорошо и заслужил не только орден Св. Георгия, но и уважение чинов дивизии, а позже и корпуса, но... ему захотелось занять высокое положение и удовлетворить честолюбие. Случай представился. В начале 1917 он был назначен в штаб Румынского фронта и там же в начале революции был образован украинский комитет для самоопределения украинцев. Сливинский сразу же вошел в него и начал играть в нем значительную роль. Когда я упрекнул его при встрече в Яссах в том, что он занялся украинизацией, то он мне на это сказал, что его задача не дать захватить верх в комитете чистым самостийникам. Возможно, что в то время он и не думал о полной самостоятельности Малороссии, но уже несколько позже, когда он был выбран в раду, его первоначальные взгляды изменились, и он стал самостийником»⁵.

Сливинский выдвинулся уже в годы первой мировой войны, зарекомендовав себя как храбрый офицер. На фронт он пошел старшим адъютантом штаба 10-й кавалерийской дивизии. В 1914 г. исполнял должность ее начальника штаба. С 22 марта 1915 г. он — капитан, старший адъютант штаба III кавалерийского корпуса.

Боевой путь офицера был отмечен целым рядом наград. В начале 1915 г. он был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Позднее последовало Высочайшее благоволение от 25 июня 1915 года. Сливинский был награжден Георгиевским оружием за то, что «будучи исправляющим должность начальника штаба 10-й кавалерийской дивизии в бою у д. Одржехова 10-го декабря 1914 года, исполняя должность начальника штаба, принимал ближайшее участие в руководстве боем, находясь под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника и подвергая свою жизнь явной опасности, верной оценкой обстановки и выдающейся распорядительностью способствовал успешным действиям дивизии»⁶.

Затем офицер удостоился награждения орденом Св. Георгия 4-й ст. за то, что «в боях с 25-го по 29-е апреля 1915 года у д.д. Ржавенцы и Баламутовка, находясь на линии наших цепей и подвергая свою жизнь явной опасности, под сильным ружейным огнем и огнем тяжелой артиллерии противника, неустанно наблюдая за ходом боя, давал ценные сведения в штаб корпуса о группировке и передвижении против-

ника и этим способствовал успеху боя»⁷.

Впоследствии Сливинский вспоминал, что «в течение этой войны мне пришлось участвовать под непосредственным начальством выдающегося русского кавалерийского вождя генерала графа Ф.А. Келлера во всех боях 10-й кавалерийской дивизии, потом III конного корпуса, состав которого одно время достигал восьми кавалерийских дивизий. Приходилось видеть конные атаки русской кавалерии на неприятельскую пехоту, батареи, пулеметы и даже на укрепленные позиции»⁸. Безмерное уважение к графу Келлеру Сливинский сохранил на всю жизнь. Генерал также очень любил и высоко ценил Сливинского⁹. Думается, дружба с таким ярким мо-

нархистом, каким был граф Келлер, может говорить и о взглядах самого Сливинского, далеких от идеалов украинского национализма.

С 3 апреля 1917 г. Сливинский занимал пост штаб-офицера для поручений по авиации управления генерал-квартирмейстера штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта и внес вклад в процессы украинизации на этом фронте. Есть сведения и о том, что некоторое время офицер даже занимал пост начальника штаба Киевского военного округа.

В старой армии Сливинский дослужился до чина подполковника (произведен 15 августа 1917 г.) По некоторым данным, он был среди арестованных следственной комиссией при петроградском революционном трибунале за деятельность в период выступления генерала Л.Г. Корнилова¹⁰.

Летом 1917 г. на II всеукраинском военном съезде, проходившем 5—10 июня 1917 г. в Киеве, Сливинский был избран в состав украинского генерального войскового комитета¹¹, председателем которого являлся С.В. Петлюра.

В сентябре-октябре 1917 г. Сливинскому предлагали генеральскую должность начальника штаба крепости Севастополь, однако он отказался. Выдвигал Сливинского на этот пост его прежний сослуживец по штабу Румынского фронта, и.д. коменданта крепости генерал В.М. Черемисинов, впоследствии также служивший в гетманской армии. Однако 21 сентября генерал-квартирмейстер Ставки генерал М.К. Дитерихс сообщил, что офицер себя пока не зарекомендовал, «чтобы выдвигать его не в пример прочим»¹². Когда 18 ноября 1917 г. были утверждены штаты украинского войскового генерального секретариата и туда начали переманивать офицеров-генштабистов, Сли-

винский значился вторым генерал-квартирмейстером ¹³, а затем помощником начальника Генштаба. Ему принадлежало авторство проекта развертывания украинской армии путем использования оставшихся на Украине частей и соединений старой армии Румынского и Юго-Западного фронтов. Планировалось из X армейского корпуса сформировать Киевский, из XXV — Вольнский, из XXVI — Полтавский, из XXXI — Черниговский, из XXXII и III — Подольский, из VIII и XI — Одесский, из V Кавказского — Екатеринославский.

Участвовал Сливинский и в историческом военном совете в кабинете украинского генерального секретаря по военным делам Н. Порша 5 января 1918 г., когда обсуждался вопрос организации сопротивления красным. Там же присутствовали и другие офицеры, в том числе начальник Генштаба генерал Б.П. Бобровский, генштабист, подполковник Е.А. Кельчевский (как и Сливинский, он был помощником начальника Генштаба).

В то время Сливинский был молод для высоких должностей и не пользовался авторитетом в кругу генштабистов. К сожалению, точных причин его карьерного взлета установить не удалось. К своим обязанностям он относился весьма серьезно. Его будущая супруга вспоминала, что в период наступления красных на Киев в начале 1918 г. Александр Владимирович находился в подавленном настроении. «Он, всегда бодрый и энергичный, вдруг жалуется на инертность офицерства, безвластие и говорит, что с тем, что удалось ему собрать, ничего сделать уже нельзя» ¹⁴. С января 1918 г. Сливинский занимал пост начальника штаба Гайдамацкого коша Слободской Украины — военизированного добровольческого формирования. В те дни, спасая свою жизнь, он пешком ушел из Киева ¹⁵, возвратившись в город лишь с немцами.

10 марта 1918 г. Сливинский занял пост начальника Генштаба Украинской народной республики (УНР). Именно он осуществил в марте 1918 г. реорганизацию Генштаба, разделив его на оперативный и организационный отделы ¹⁶.

Есть данные о том, что австро-германские спецслужбы вели агентурную разработку Сливинского ¹⁷ как не вполне лояльного Центральной Раде видного военного деятеля, на которого можно было бы сделать ставку в дальнейшем. Сведения о Сливинском вошли в доклад о главнейших деятелях Украины, подготовленный уполномоченным штаба главнокомандующего австрийскими войсками при украинском правительстве для Генштаба 8 апреля 1918 г. и затем переданный в МИД. О Сливинском не вполне точно сообщали как о генерале, который «занимал во время войны несколько высших должностей в Генеральном штабе. Был начальником оперативного штаба кавалерийского корпуса Келлера. Молодой, образованный, очень энергичный генерал, ловкий и уверенный в себе. Несомненно, человек будущего... Несмотря на то, что Сливинский в военном отношении менее значительная личность, он доминирует в настоящий момент над начальником Генерального штаба ¹⁸ и старается ущемить его, не давая ему нужной информации, вмешиваясь в дела его ведомства и т.д.» ¹⁹.

Во время переворота 29 апреля 1918 г., завершившегося приходом к власти гетмана П.П. Скоропадского, Сливинский одним из первых поддержал гетмана, чем обеспечил себе сохранение занимае-

мой должности ²⁰. Более того, в начале мая 1918 г. Сливинский временно исполнял обязанности министра военных дел и флота. В дальнейшем он организовывал вечера, на которых происходили встречи с германскими офицерами ²¹.

Скоропадский практически не знал его. Впоследствии он вспоминал, что Сливинский «был еще при Центральной Раде. В то время я его видел один раз. Этот полковник ²² почему-то вызывал всеобщее недоверие и озлобление среди кругов собственников. Неоднократно ко мне приходили и предупреждали, что Сливинский опаснейшее лицо, что это человек, который стремится сам сделаться гетманом, что он нарочно тормозит создание армии, что он находится в связи со всеми элементами, готовящими восстание и т.д. Дошло дело до того, что Бусло, начальник особого отдела при штабе гетмана, представил мне рапорт, в котором уведомлял, что Сливинский чуть ли не убежденнейший большевик, что он покушался на убийство генерала Щербачёва, главнокомандующего Румынским фронтом, и все в таком духе. Последний рапорт, конечно, мне показался сплошным вздором, тем более, что я знал, что, наоборот, будучи на Румынском фронте, Сливинский умудрился арестовать как-то какого-то крупного большевика, кажется, Рошаля, если не ошибаюсь. Но все же эти разговоры о начальнике Генерального штаба, т.е. человеке, долженствующем явиться одним из ближайших моих помощников, конечно, не могли не отразиться на моем к нему доверии. Я решил предложить ему другое какое-либо место. Вопрос этот был решен, и я его больше к себе не приглашал, ожидая, что со дня на день он получит назначение, а потому мне делиться с ним своими мыслями не приходилось. Беда была в том, что у меня положительно не было кем его заменить... В это самое время ко мне явился мой начальник штаба и описал мне Сливинского совершенно не в том свете, как его мне очеркивали раньше. Я стал к нему приглядываться, и постепенно у меня складывалось убеждение, что это чрезвычайно честолюбивый, но одновременно с этим умный и работающий человек, что на украинский вопрос он смотрит так же, как и я, а, кроме того, очень работоспособный. Я его тогда оставил на его прежней должности и не раскаялся. По крайней мере, я никогда не слышал потом, чтобы Сливинский был замешан в чем-нибудь предосудительном с точки зрения нашего правительства. Даже во время восстания Петлюры его имени не упоминалось. Он был молод, конечно, многие из его же товарищей ему завидовали; но лучше, по-моему, иметь молодого помощника, нежели старого рутинера. И так мы уже сделали крупную ошибку, принимая в военное министерство старых деятелей, которые привыкли работать только в известных условиях организованного государства и армии, а выбираться из трудностей, в которых мы тогда находились, и самим творить заново были не в состоянии» ²³. Интересно, что характеристика Скоропадского совпадает со свидетельством его начальника штаба генерала Б.С. Стеллецкого, который и протезировал Сливинскому.

Сливинский участвовал в заседаниях правительства и находился в курсе украинской политики. 29 июня 1918 г. он был переименован в войсковые старшины со старшинством с 15 августа 1917 года. Весной-летом 1918 г. Сливинский выступал в качестве военного эксперта на переговорах с РСФСР.

Товарищ министра внутренних дел В.Е. Рейнбот свидетельствовал, что военный министр генерал А.Ф. Рагоза в силу преклонного возраста уже был номинальным министром, реальная же власть была в руках генералов А.П. Грекова, А.Г. Лигнау и подполковника Сливинского, которого Рейнбот охарактеризовал как талантливое. По мнению этого мемуариста, Сливинский «знал прекрасно свое дело, отлично говорил, настойчиво, убедительно проводил свои взгляды, был чрезвычайно честолюбив, властолюбив и далеко не чужд интриги в самом широком масштабе». Он, якобы, боролся с министром внутренних дел И.А. Кистяковским, для чего использовал свое влияние на гетмана Скоропадского и председателя Совета министров Ф.А. Лизогуба. Впрочем, утверждения того же мемуариста о поддержке Сливинским за счет военных ассигнований неких радикальных украинских группировок, о его двойной игре и чуть ли не потворстве свержению гетманской власти²⁴ вызывают серьезные сомнения.

Генерал В.А. Мустафин считал Сливинского «молодым офицером Генерального штаба, несомненно умным и способным, большим карьеристом, пошедшим по указке самостийников и проводившим на высшей командной должности негодных, скомпрометированных людей, проявлявших угодливость перед “украинскими шовинистическими течениями” и ненависть (конечно, внешне напускную) ко всему русскому»²⁵. Мустафин также подтверждал свидетельства о том, что Сливинский подчинил своему влиянию военного министра²⁶.

Емкие характеристики Сливинского оставил в своих воспоминаниях генерал Б.С. Стеллецкий. По его свидетельству, Сливинский попал к Скоропадскому по наследству от предыдущего правительства Центральной Рады. «Товарищи Сливинского по кадетскому корпусу и академии Генерального штаба рассказывали о нем, что, будучи еще в корпусе, Слива (такова в то время была его фамилия) все время мечтал сделаться вторым Наполеоном. Корпус и академию Сливинский закончил одним из первых. И весь отдавался военному делу; вне этого дела для него не было жизни. Как человек крайне честолюбивый, он записывается в социал-революционеры, как наиболее сильную партию Временного правительства, и затем в качестве члена этой партии легко получает назначение начальником Генерального штаба в соц[иал]-рев[олюционн]ом правительстве проф. Грушевского.

Небольшого роста, с лицом, действительно напоминавшим Наполеона, энергичный и любящий свое дело, а главное не видящий ничего другого и не входящий ни во что, кроме военной карьеры, он производил очень приятное и симпатичное впечатление.

Скоропадский вначале относился к нему очень подозрительно и даже несколько раз выражал желание его арестовать и выслать, но Сливинский нашел себе поддержку в начальнике штаба гетмана²⁷, который, ознакомившись с деятельностью Сливинского, устроил так, что Сливинский получил самостоятельный доклад у гетмана. Это обстоятельство совершенно не входило в планы [товарища военного министра генерала А.Г.] Лигнау, но он не мог открыто противодействовать начальнику штаба гетмана и должен был примириться; Скоропадский же очень скоро начал симпатизировать молодому и энергичному нач[альнику] Ген. штаба»²⁸.

В нашем распоряжении нет данных о принадлежности Сливинского к эсерам, но стремление таких офицеров к карьере Наполеона было типичным явлением того времени. Как отмечал генерал Г.И. Гончаренко, «подполковник даровит и талантлив, а в маленькой фигуре и очертаниях профиля крупной, большой головы можно, пожалуй, усмотреть даже внешние признаки Бонапарта. Утверждают, будто начальник украинского Генерального штаба чрезвычайно гордится этим случайным сходством и пытается даже в манерах подражать великому корсиканцу»²⁹.

На плечи Сливинского легла организационно-оперативная работа. Причем, если верить Стеллецкому, Сливинский смог наладить работу ГУГШ, несмотря на оппозицию старших офицеров Генштаба. В намеченных им преобразованиях за основу была принята германская система корпусных округов, каждый из которых составляла губерния. Организация строилась от высших штабов к низшим. Однако этот план в итоге принят не был³⁰.

Как свидетельствовал сам Сливинский, «в ответственный момент обороны нашей родины, в час организации на Украине соответствующей принципам свободного демократического республиканского края военной силы я приступил к исполнению возложенных на меня обязанностей, не приняв от моих предшественников ни единого шага начатой работы. Даже самого аппарата — штаба, как такового, не было.

Немедленно я должен был просить на высшие должности штаба ответственных работников.

Несколько верных украинцев, офицеров Генерального штаба, отговорились до выяснения более твердой политики государства.

Удалось временно пригласить кое-кого из офицеров неукраинцев, известных творчеством в своей прежней работе, но их процент был весьма незначительный. Сейчас в составе Генерального штаба только 75 процентов украинцев.

Надеюсь, что в ближайшем времени мне удастся целиком организовать управление штаба в желательном составе.

Сотрудники на низших должностях набираются начальниками отделов под их строгой ответственностью и, согласно моего приказа, из природных украинцев»³¹.

Несмотря на попытки Сливинского заигрывать с националистами, будущие петлюровские военачальники отзывались о нем скорее недоброжелательно. Генерал М.В. Омелянович-Павленко писал о переполнявшем его чувстве неприязни к начальнику Генштаба: «Надутая маленькая фигурка, заложивши руки накрест, величественно попросила меня сесть. Как раз помню меня особенно занимал его профиль, поскольку я предполагал, что он, как немало других из наших военных деятелей, также “болел Наполеоном”. В разговоре он был краток. Я поклонился и пошел себе в печали домой с впечатлением, что этому фавориту революции пороку не изобрести»³². Как бы то ни было, Омелянович получил назначение. По характеристике генерала В.Н. Петрова, Сливинский был «подвижный, стройный, невысокий офицер с быстрой речью категоричными выражениями, энергичными жестами». Когда Сливинский обратился к Петрову на русском языке, последний намеренно отвечал ему на «мове», чем вынудил и

Сливинского перейти на украинский язык³³. По мнению генерала А.П. Грекова, Сливинский — «заурядный мелкий офицер Генштаба с большими наклонностями к мании величия и интриганству», причем назначен он был якобы по рекомендации партии эсеров³⁴.

В свою очередь, разведчик белых в Киеве подполковник С.Н. Ряснянский вспоминал о своей встрече со Сливинским так: «В приемной украинского начальника штаба было довольно много ожидавших приема лиц, среди них было несколько мне знакомых военных, перешедших на службу в украинские войска, существовавшие, правда, только на бумаге. Докладывал о просителях штаб-офицер для поручений нач[альника] Г[енерального] шт[аба], бывший офицер 10 драгунского п[олка], во время войны штаб-офицер для поручений при интенданте 3 кав[алерийского] корпуса подп[олковник] Балтин, ставший по примеру своего сослуживца Сливинского ширым украинцем. Я довольно насмешливо отнесся к его новой роли и форме, что, по-видимому, несколько его обидело, но мало смутило, шепотом он обещал мне потом рассказать “много интересного”. Мое старое знакомство со Сливинским дало мне преимущество перед прочими ожидающими, а, может быть, сыграло роль и то, что я явился не в роли просителя, о чем сразу же заявил Болтину (так в документе. — А.Г.). Нужно сказать, что этот Балтин был большая пройдоха и проныра. Сливинский принял меня очень любезно и спросил о причине моего приезда в Киев (о том, что я служу в Добровольческой армии, он уже знал), я ответил, что приехал по своим личным делам. Открывать свои карты я не хотел до тех пор, пока не узнаю об отношении Сливинского к нашей армии. Сговорившись с ним о дне нового свидания, во время которого мы могли подробнее поговорить и спокойно посидеть, не тревожимые никем, я ушел от него. Он, насколько я помню, обещал мне содействие, если мне оно будет нужно»³⁵.

Генерал М.А. Свечин, командированный в Киев в мае 1918 г. в составе военно-дипломатической миссии Всевеликого войска Донского, также оставил подробное описание встречи со Сливинским: «Ко мне зашел нач[альник] украинскаго Генштаба ген[ерал]³⁶ Сливинский с приглашением к нему на завтрак, где я увижу ген. профессора Головина, что, вероятно, мне будет приятно.

Приехав, я уже застал Ник[олая] Ник[олаевича] Головина, моего старого друга, с которым я немало поработал в нашей академии, и мы были близки друг другу.

Садясь за стол, Сливинский сказал, что ему приятно видеть у себя профессора нашей академии Ник[олая] Ник[олаевича] и меня, руководителя академической группы, в которой он оказался. Им приглашены два офицера его управления, тоже питомцы нашей академии. Все мы, русские офицеры, можем спокойно и откровенно вести наши беседы, т.к. наши помыслы направлены, где бы теперь не находились, на пользу России.

Этим вступлением он согрел нашу встречу и дал понять, что мы можем свободно обмениваться мнениями.

После завтрака, когда мы перешли пить кофе в кабинет хозяина, я обратился к нему:

— “Пользуясь вашим любезным вступлением перед завтраком быть, как прежде, едиными в преданности нашей Родине, беру на

себя смелость задать, быть может, щекотливый вопрос. Вы, как занимающий ответственный военный пост, я полагаю, лучше всех могли бы осветить его. Цель[ю] моей поездки сюда является получение оружия и снаряжения для борьбы, которую ведет Дон с красными; удастся ли мне эта задача?”

— “Охотно, не скрывая, отвечу: в вашей борьбе все мы должны помогать — кто чем может. Я в курсе ваших задач, Рагоза меня об этом уведомил. Могу вас заверить, что вы встретите сочувствие в управлениях воен. министерства. У нас остались огромные склады, как бывшие тылы двух фронтов. Все это имущество заготовлено еще императорской властью для наступления в 1917 г. А потому не есть принадлежность одной Украины. Часть их взорвалась, но очень незначительная. Между прочим, сейчас производится анкета, выясняются причины, ищут нет ли злого умысла со стороны немцев или петлюровцев? Причина, как я высказался в анкетной комиссии, заключается в небрежном хранении. Все чувствительные взрывчатые вещества требуют сугубой заботливости в их содержании. Химические составы их подвергаются разложению и от времени, и от атмосферы, и от массы причин. Требуют уход, как за больными людьми. А что делалось после революции и смены властей? Причину нужно искать в разложении и самосгорании от небрежного ухода. Но, простите, я отклонился от темы. Запасы принадлежат всей России, не поделиться с русскими частями, ведущими жертвенную, кровавую борьбу, было бы преступлением”.

— “Я очень рад, что встречаю у вас такую помощь, зная вас, не мог сомневаться в этом, но вижу большую опасность в получении запасов, о чем мне намекал и гетман, со стороны немцев”.

— “Как раз об этом я и собирался вас предупредить. Они ревниво наблюдают, чтобы ничего не попало Добр[овольческой] армии и установили контроль на жел[езных] дорогах. Но не унывайте, все наряды по отправке военных грузов проходят через мое управление, в крайности постараемся, что нужно замаскировать. Затем хочу вас информировать в следующем: мне гетман говорил, что вы будете приглашены Муммом³⁷, предупреждаю, что вас пожелает видеть и ген[ерал] Эйхгорн, командующий оккупационными войсками, очень любезный старик, но при нем вероятно увидите его нач[альника] штаба ген[ерала] Греннера, который собственно и руководит всем. А он и Мумм — большие ненавистники России”.

Мне оставалось обнять Сливинского за такое теплое содействие и информацию немецкого возглавления здесь, с которыми приходится свидеться.

— “А твои какие намерения?” — Обратился я к Н.Н. Головину.

Но, прежде чем Головин ответил, Сливинский с жаром произнес, обратясь ко мне.

— “Вам Ник. Ник. не скажет, а я обязан сообщить, что должность, которую я занимаю, была предложена ему, как известному ученому, но, уклонившись, он указал на меня”.

— “Не люблю я именоваться ученым, просто посвятил себя военной науке и истории, помните мою борьбу в академии. Сознательно рекомендовал Сливинского — он не только прекрасный офицер Ген. штаба, а к тому же по происхождению Запорожец...”

— «Лучшего выбора гетман сделать не мог», — прибавил и я, «помню его прекрасные работы в академии...»...

Находясь у авторитетного лица, нач[аль]ника Генерального штаба, было интересно знать о положении в котором находилось формирование здешней армии, о чем мы и обратились к нашему хозяину.

— «Дело в том, начал Сливинский, что для личного вам сведения могу сообщить, у нас имеются большие для этого возможности. Мы имеем вооружение и снаряжение, не менее как на восемь корпусов. Украинское крестьянство — прекрасный элемент, для комплектования. Сюда сбежалось немало офицерства, много специалистов — Ген. штаба, артиллеристов, воен. инженеров и пр. По требованию гетмана я делал доклады в правительстве с представлением проектов и наставлений, не теряя времени приступить к формированию. Это нам крайне необходимо, но вовсе не нужно немцам иметь вооруженного соседа, и воля их в этом вопросе неуклонна. Все попытки нашего правительства убедить немцев в разрешении организовать хотя бы незначительную воинскую силу для ограждения границ от большевиков были безрезультатны. Немцы ведут двойственную политику: в Москве Мирбах поддерживает большевиков, кои теперь им не страшны, а здесь в Киеве Мумм поддерживает гетмана от тех же большевиков. По отношению донских казаков немцы не препятствуют красным вести борьбу, а здесь стараются войти в дружбу с казаками. Видимо, находят для себя полезным, чтобы обе стороны слабели от войны, а наружно остаются в добрых отношениях».

— Но неужели нельзя ничего предпринять, чтобы подготовить себе вооруженную силу, сказал Головин, хотя бы в скромном виде?»

— «Все, чего мы могли добиться, — продолжал Сливинский, — это сформировать штабы нескольких корпусов и дивизий. Понятно, штабы не защита, но все же готовое руководство. Кроме того, в засекреченном порядке мы установили работу быв. русских уездных воинских начальников, взятием на учет военнообязанных. А под видом полиции организовали небольшие команды».

Побывав еще раза два у Сливинского, мы видели, что с сильным давлением немцев о недопущении формирования армии было трудно справиться, что и послужило той драмой, которая разразилась для этого края при уходе немцев»³⁸.

Даже генерал П.Н. Врангель, побывавший у Скоропадского примерно в конце мая — начале июня 1918 г. упомянул Сливинского в нескольких строках своих воспоминаний: «Начальником Генерального штаба состоял полковник Сливинский, способный офицер, которого я знал по Румынскому фронту... У Сливинского я подробно ознакомился с вопросом формирования армии. Немцы, все обещая, фактически никаких формирований не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и, кажется, одна «хлеборобская» дивизия. Никакой правильной мобилизации произведено не было, да и самый мобилизационный план не был еще разработан. Ни материальной части, ни оружия для намеченных формирований в распоряжении правительства не было»³⁹.

Посетителей Сливинский принимал по понедельникам, средам и пятницам с 10.30 до 11 час. по адресу: улица Банковая, 11, где располагалось ГУГШ⁴⁰. Его помощником стал известный отечественный

военный деятель полковник Н.Е. Какурин. Проблемой гетманской армии стало наличие только штабных структур без реальных войск в их подчинении. Сам же Сливинский как бы символизировал аполитичность украинских войск.

В докладе Генштаба капитана Петрова начальнику разведывательного отделения штаба Добровольческой армии подполковнику С.Н. Ряснянскому от 14 (27) сентября 1918 г. о состоянии украинской армии сообщалось, что ГУГШ возглавлял молодой подполковник Сливинский, «по отзывам многих лиц, способный, а главное трудоспособный офицер»⁴¹. По свидетельству белого агента, при вступлении в должность военного министра генерала А.Ф. Рагозы было много разговоров о замене Сливинского генералом Н.Л. Юнаковым, однако эти разговоры остались на уровне слухов.

Помимо выполнения своих прямых должностных обязанностей Сливинский не чурался публичности и даже к ней стремился. Это стремление проявилось в его многочисленных интервью в киевских газетах, особенно частых на излете немецкого присутствия на Украине. По этим выступлениям можно проследить и его политические взгляды того периода.

Одна из бесед со Сливинским касалась создания украинской армии. Начальник Генштаба оптимистично заявил: «Вопрос существования украинской армии решен положительно и бесповоротно. Армия сформирована будет. Она создается с единственной целью — быть опорой и надежным обеспечением самостоятельности и независимости Украинской Державы, а потому ее формирование не должно рассматриваться в качестве угрозы какой-либо из воюющих в настоящее время групп держав, ни, тем более, какой-либо славянской народности. Осуществив заветные думы своих лучших сынов, в эпоху коренного пересмотра всех человеческих отношений, украинский народ нуждается в длительном мире для своего государственного строительства и поднятия хозяйственного благосостояния. Обеспечить ему в этом смысле полную возможность и является задачей формируемой армии».

Так как задачи такого масштаба могут решаться только всем населением, кровно и лично заинтересованным в их разрешении, то украинская армия и создается на принципе обязательной воинской повинности — всеобщей и личной. Выработывая устав об этой повинности, Генеральный штаб пользовался, как канвой, таким же российским уставом, внося в него целый ряд изменений на основании опытных данных всех стран, соответственные уставы которых выдержали испытание еще продолжающейся войны. В настоящее время этот устав рассматривается Советом министров, о чем уже сообщалось в печати. Что касается подготовки и использования армии, то все вопросы этой категории сосредотачиваются и разрабатываются Генеральным штабом, имеющим соответственную своей задаче организацию, степень самостоятельности и вполне достаточный кадр сведущих и опытных специалистов. Имея же в виду необходимость в дальнейшем его пополнения, создается державная военная академия, положение о которой выработано и законодательное утверждение которого — вопрос близкого будущего.

Со стороны некоторых кругов общества иногда раздаются недомысленные вопросы: почему, когда армии еще нет, так энергично раз-

рабатываются штаты центральных учреждений, академий и т.п. Вопросы такого рода являются плодом недоразумения: те призывы, которые будут взяты из населения, должны, вливаясь в армию, видеть в ней полную, законченную организацию. Иначе армейская жизнь никогда не выйдет из стадии формирования и не приобретет необходимой устойчивости, обеспечивающей планомерность работы. Кроме того, надо иметь в виду, что армии, построенные по принципу повинности, есть в сущности армии кадров: полностью они существуют только во время войны, в мирное же время они представляют собою школу, сквозь которую проходит в известном возрасте население, обучаясь азбуке военного дела.

Именно поэтому, желая организовать вооруженные силы Украины так, чтобы они были силами, нужно всю работу начать с правильной организации их настоящего элемента, т.е. в первую очередь Генерального штаба, где сосредоточена вся военно-идейная работа центральных учреждений, ведающих прочими задачами формирования, затем офицерского и унтер-офицерского кадров и только тогда, когда все это будет сделано, можно призывать новобранцев, т.е. переменный состав армии.

В настоящую минуту мы уже стоим перед призывом, и он не явится для нас преждевременным, так как вся подготовительная работа выполнена. Вопрос об офицерском составе уже получил свое разрешение. Существовавшие до сих пор временные кадры легко перейдут на увеличенный постоянный штат, так как они имели количество офицеров, превышавшее временные штаты. Правовое положение офицерства в украинской армии таково, что их прежняя служба в России не пропадет, даже выслуга на производство в чине сохранена; разработан вопрос о наградах за службу на Украине и в особенности за участие в формировании армии, когда эта работа была особенно напряженной. Улучшение материального положения офицеров в военном ведомстве решено и ожидается только рассмотрение вопроса Советом министров, куда все нужные для этого законопроекты уже внесены. Правда, одним этим офицерский вопрос еще не решается. Для сплоченности необходимо придать этому корпусу известное единство. Это достигается в данное время подбором офицерского состава по образовательному цензу; что же касается его моральных качеств, то это регулируется соответственными аттестациями и товарищеским воздействием через суды чести, возрожденные волею ясновельможного пана гетмана.

Унтер-офицерский вопрос, очень важный в современных кадровых армиях, разрешается также вполне благополучно, благодаря хорошей оплате труда и полному обеспечению в прочих отношениях (квартира, одежда, довольствие и т.п.).

Что же касается самого призыва, то главный аппарат в этом деле — воинские начальники — справились с делом учета отлично. Работа на призывных пунктах в пору призыва новобранцев в Сердюкскую дивизию протекала совершенно нормально и без трений. В лице призванных до настоящего времени мы получили отличный элемент, который, пополнив сердюцкие части, в настоящее время проходит курс обучения, делая значительные успехи и вполне удовлетворяя требованиям, предъявляемым к современным новобранцам во всех армиях культурных государств.

Говоря об армии, в наше время нельзя ни на одну минуту забывать огромного значения техники, как разрушения, так и обороны, делающей поразительные успехи. Эта сторона дела не была нами забыта, и при Генеральном штабе уже созданы и работают особые инспекции артиллерии и технических войск, имеющие целью, с одной стороны, следить за всем, что появляется нового по их специальности в иностранных армиях, а, с другой, иметь контроль над тем, поскольку все признанное из этих новин полезным проводится в жизнь украинской армии. Будучи связан органически с Генеральным штабом и, находясь, таким образом, в самом центре биения военной мысли, эти инспекции несомненно принесут огромную пользу армии, поддерживая ее технику на уровне последнего слова науки.

Еще одно замечание. В странах с невысоким уровнем культуры, как Украина, армия всегда выполняет попутно еще одну задачу — она служит огромной народной школой. До призыва в кадрах велись занятия по украиноведению, будет налажена национально-просветительная работа и после призыва. С этой целью будет сохранено обучение украиноведению, основывается военная газета, военный журнал и намечается ряд изданий, имеющих целью популяризовать военное знание; намечается также и целая система организаций и пополнения войсковых библиотек — над этим делом сейчас работают особые офицеры в Генеральном штабе, и дело это уже подведено к возможности его полного разрешения. Таким образом, армия будет не только физической силой народа, его детищем по крови, но и по духу, так как воспитание молодежи, вливающейся в ее ряды, строится исключительно на национальной основе.

Придавая огромное значение гласности и имея в виду, что современная армия — есть прямое порождение народа, Генеральный штаб охотно делится с печатью всеми сведениями, поддающимися опубликованию, считая, что только этим путем возможна продуктивная борьба с распространенными среди горожан страхами, а среди селян предрассудками. Армия у нас будет, она будет национальной и в меру наших сил и возможностей организованной не хуже наших европейских соседей»⁴².

Интервьюируемый, судя по тексту, был явно завышенного мнения и о себе и о своей работе — отсюда широковещательные безапелляционные заявления и неприкрытое самолюбование. Увы, антибольшевистский лагерь породил немало подобных «наполеончиков». Столкновение с реалиями Гражданской войны моментально разрушило их фантастические построения.

Следующая беседа корреспондента со Сливинским состоялась через несколько дней. Предваряя новый материал, журналист отмечал: «Вчера начальник Генерального штаба А.В. Сливинский во время беседы с сотрудниками газет коснулся, главным образом, вопросов о тех формированиях, которые проектируются наряду с созданием армии. В Совете министров, как известно, подробно обсуждался проект образования так наз[ываемой] национальной гвардии. Как видно из беседы, начальник штаба разделяет точку зрения авторов этого проекта с той лишь разницей, что, по его мнению, элементы, способные войти в ряды национальной гвардии, должны пополнить кадры регулярных войск, а не выделены в особые формирования»⁴³.

По поводу опасности большевизма Сливинский заявил: «События привлекли внимание общества к вопросам обеспечения государственного порядка. Спокойствие на Украине, обеспечиваемое наличием дружественной нам силы ⁴⁴, не поколеблется, так как она наших границ не покинет. Большевистская агитация сейчас уже не имеет на Украине того успеха, каким она пользовалась раньше. Но ни то, ни другое, конечно, не исключает возможности выступления в отдельных случаях, что мы на деле и наблюдаем.

Противодействовать этим покушениям необходимо, но для этого необходима соответствующая организация; каждый из разнообразных проектов в этой области имеет в виду свои построения, но ставши на путь государственности, нужно быть последовательным: решено иметь армию — следовательно, ее надо формировать, решено ввести воинскую повинность — значит, нужно делать призыв. Иначе, вступая в противоречия с широкими решениями, мы отдалили бы начало спокойной жизни, напряженно ожидаемой всеми» ⁴⁵.

Об армии и других формированиях начальник Генштаба сообщал: «Армия наша достигнет своего нормального состава и качества после полного ее укомплектования призывами, плюс время на их обучение. Интересы же государства требуют обеспечения его безопасности в каждую данную минуту. Поэтому в виде временной меры, впредь до окончания регулярных формирований, чрезвычайно желательно образовать на местах центры обороны и из непризывных элементов, тем более, что потребность этого ясно сознается и самим обществом.

Как бы ни относиться к большевикам как к партии, они как власть в вопросе вооружения народа достигли намеченной цели. Путем жестоких мер, они, поддерживая своеобразную дисциплину, все-таки двигают вперед свои части и даже достигают военных успехов. С этим нужно серьезно считаться, тем более, что январские дни в Киеве и опыт случайных формирований генерального секретариата и Центральной Рады убедили всех в полной непригодности их противостоять даже большевистской военной организации.

Все импровизации в этой области, как показывает опыт, кончаются тем, что во главе частей подобного рода часто появляются люди авантюристического склада, не признающие никакого командования и руководства; за их притязания же расплачивается, в конце концов, беззащитное население. Дисциплина всех этих формирований обычно также не достигает уровня, необходимого для решительных и планомерных операций и без которой никакая защита порядка не мыслима.

Нельзя забывать, что вопрос сохранения порядка всегда может стать вопросом военной действительности, вопросом вооруженного столкновения. В бою же людей нужно кормить, нужно питать их патронами, оказывать им врачебную помощь, поддерживать связь для единства действий и управления. Все это требует слаженного и правильно устроенного аппарата. В формирующейся армии он полностью имеется налицо; параллельное создание его для каких-либо новых, особых формирований вызовет только задержку решения задачи и распыление необходимого для государства контингента специалистов» ⁴⁶.

Относительно милитаризации элементов порядка Сливинский отметил: «Эту задачу правильнее, проще и совершеннее разрешить

мобилизацией элементов порядка. Кадры наших войск налицо и представляют собой готовый⁴⁷ для решения военных задач аппарат, связанный единым управлением в стройную систему и обеспеченный всеми органами снабжения. Для использования этих кадров с целями обороны державы нужно только насытить их живой силой. Это можно сделать и путем добровольной записи при кадрах, и в виде повинности для всего благонадежного элемента, годного и надежного в защите культуры. Распространение этой организации возможно в самых широких размерах на всю интеллигенцию городов и местечек, а также на хлеборобские круги сельских местностей, так как элементы порядка существуют всюду, а кадры войск разбросаны по Украине широкую сетью.

Сплотив все элементы порядка и лояльности на основе аполитической обороны страны вокруг уже имеющихся кадров, военная власть смогла бы создать силу правильно организованную, грамотно руководимую и потому совершенно реальную. Формирование армии по принципу повинности этим не задержится: оно пойдет своим чередом и, надо думать, пойдет даже успешнее, раз сама идея защиты державы путем организации вооруженно-обязанных будет широко популяризирована.

Дон и Финляндия создали свои регулярные силы в самый разгар борьбы с красными, и их формирования оказались очень удачными. Мы находимся в лучших условиях: мы имеем некоторый запас времени и дружественную помощь извне. Остается только этого времени не терять, верить в собственные силы и идти путем не распыления и параллелизма, а путем единства воли, мысли и организации. Намечаемая мною милитаризация интеллигенции и лояльного элемента не нарушит нормального течения жизни, так как вооруженно-обязанные в период спокойствия только проходят в назначенное время свое обучение. Мобилизация же их, то есть вливание в ряды, происходит по первому знаку тревоги, поданному соответственным командованием для решения их основной задачи: защиты культуры и порядка от всяких на них покушений.

Могу добавить, что воплощение в жизнь идеи милитаризации элементов порядка — вопрос ближайшего будущего»⁴⁸.

Как видим, начальник украинского Генштаба погряз в открытом словоблудии. Не случайно, гетманский период новейшей украинской истории современники именовали опереткой.

Выделим из сказанного рациональное зерно. Начальник Генштаба был против отделения национальной гвардии от регулярных войск, справедливо отмечал невысокую дисциплину такого рода частей и наличие в них авантюристических руководителей. В то же время до окончания формирования регулярных войск, по его мнению, можно было иметь территориальные центры обороны из непризывных «элементов порядка» — лояльных украинскому государству представителей интеллигенции и хлеборобов. Заслуживает внимания мысль о том, что армия Украине нужна по аналогии с Финляндией и Донской областью для защиты от красных.

Следует отметить, что Сливинский высоко оценивал уровень организации Красной армии, а его мнение на этот счет печаталось даже в советских газетах⁴⁹.

Не прошло и десяти дней с предыдущей беседы, как Сливинский вновь осчастливил прессу своим интервью в связи с прошедшим совещанием корпусных командиров: «Совещание корпусных командиров, созывавшееся при Главном управлении Генерального штаба и закончившееся только вчера, в вопросе успешного хода формирований сыграет весьма значительную роль. Широкое участие представителей главных управлений в работах совещания сразу придало им характер необходимого взаимодействия при едином общем языке. Прямое и непосредственное сопоставление потребностей с возможностями установило ясную картину тех границ и пределов, в которых работа военного ведомства является отвечающей насущной необходимости для государств»⁵⁰.

О привлечении на службу офицеров Сливинский сообщил: «Вполне естественно, что старшие войсковые начальники в первую очередь выдвинули офицерский и унтер-офицерский вопросы, так как от их удовлетворительного разрешения на три четверти зависит успех формирования. В чем центральные органы могут удовлетворить желания, идущие с мест — это сделано. Решено расширить доступ к офицерским должностям, весьма ограниченный установлением повышенного образовательного ценза. Что касается материального положения офицеров и, главное, их квартирного размещения, то здесь роль министерства слишком скромна. Благодаря отсутствию высшего военного законодательного органа, каким в России был Военный совет, законопроекты этого рода пока получают общее направление, что обуславливает и известный срок на их прохождение и необходимость особенно энергичного их поддерживания во всех промежуточных инстанциях. Несомненно, со стороны центральных учреждений будет сделано все необходимое и в этом направлении — в частности, увеличение жалованья, уже принятого бюджетной комиссией, а расширение кадров в принципе одобрено уже Советом министров»⁵¹.

Затронул Сливинский и вопрос боевого обеспечения создававшейся армии: «Сложная задача по наложению⁵² службы снабжений, как это выяснилось на совещании, по-видимому, решается благополучно, благодаря заблаговременному испрошению кредитов и огромной энергии, проявленной на местах. Уже во всех корпусах действует заготовительный аппарат и в этом отношении совещание лишь определило норму снабжения и длительность заготовительной кампании, установив необходимость к 15 ноября сосредоточить 4-х месячный запас, а позже обеспечить войско до нового урожая. Вопрос о снабжении войск также разрешается вполне благоприятно, так как представители центральных держав пошли нам на встречу, изъявив согласие на расход из складов до окончания раздела имущества по договору»⁵³.

Существенное внимание привлек вопрос о новом «Уставе о воинской повинности»: «Работы совещания совпали с рассмотрением в Совете министров устава о воинской повинности, что очень облегчило ориентировку представителей высшей военной власти на местах во взглядах и суждениях правительства по этому краеугольному закону в жизни армии, и с особенной яркостью подчеркнуло его многочисленные подробности, удовлетворение которых зависит от того же Совета министров.

Другим, еще более важным совпадением, явилась одновременность работ совещания и начала серьезного обсуждения проблемы

мира на западе. Ставший сам собою на очередь вопрос о защите неприкосновенности Украины был во всем его объеме обсужден при самом тесном сотрудничестве съехавшихся в Киев старых войсковых начальников, что также значительно облегчило работу Генерального штаба, избавив его от длительных сношений, заменившихся личным обменом мнений»⁵⁴.

Наконец, касаясь формирования армии, Сливинский констатировал: «Общий вывод из работ совещания может быть только один. Острая, я бы сказал, необходимость скорейшего создания армии чувствуется всеми. Главное управление Генерального штаба, с первого дня своего существования работавшее в этом направлении, нашло единодушную поддержку в лице представителей высшего украинского командования.

Возможность создания армии доказана успешным ходом формирования Сердюкской дивизии, осмотренной участниками совещания в ее обыденной обстановке. На местах все для формирования готово, и прием новобранцев возможен. Остается только одно — желать от общества как можно больше веры в работу офицерского состава, отдающего все свои силы на создание армии для защиты державы. В этом отношении офицерский состав всеми 4 годами войны и месяцами революции приобрел неотъемлемое право на уважение со стороны государственно-мыслящего элемента. Соответственное же этому отношение к нему широких общественных кругов даст офицерскому корпусу то нравственное удовлетворение, без которого никакая идейная работа не возможна»⁵⁵.

Через несколько дней состоялось следующее интервью, в котором был затронут вопрос о готовности страны к обороне на случай вторжения большевиков. Сливинский прокомментировал этот сюжет так: «Вопрос о политической опасности большевизма не входит в компетенцию Генерального штаба, всецело поглощенного организацией государственной обороны.

С этой точки зрения наша северная граница, безусловно, может быть признана угрожаемой. По вполне ясным соображениям не скажу вам, какими силами располагают большевики, но отмечу, что они вовсе не исчерпываются бандами, которые время от времени просачиваются через нашу границу. У них имеются и регулярные силы, образцово организованные и располагающие неплохим командным составом. Доказательством этому может служить то упорство сопротивления и даже натиск, которые со стороны большевиков встречают иногда даже такие совершенные войсковые объединения как Добровольческая и Донская армии. Именно поэтому я всегда настаивал и настаиваю на том, что борьба за безопасность Украины должна вестись не случайным, а организованным путем, т.е. путем скорейшего организации армии. Со стороны общества часто слышатся нетерпеливые требования немедленно дать силу какую бы то ни было, лишь бы это была сила»⁵⁶.

О том, какая Украине нужна армия, Сливинский сообщил: «Нервность и волнение общества для меня вполне понятны, но нужно помнить, что нельзя бороться против организации кустарными произведениями.

Собрание вооруженных людей без дисциплины — отнюдь не сила, в военном значении этого слова. Дисциплина достигается путем из-

вестного воспитательного процесса, постоянного воздействия, неусыпного контроля. Для осуществления этого нужен целый ряд условий: прежде всего, постоянное командование, обилие кадров и их насыщенность обученным элементом, казарменное расположение и специальная тренировка, не ослабляемая ни на минуту. Призванная в мае этого года молодежь достигнет этого через некоторое время, а сила нужна немедленно, поэтому и был разработан только что ставший законом проект об инструкторских частях и насыщении кадров сведущим составом.

Применение при этом принудительного начала призыва сделано совершенно намеренно: 1) этого требует государственная необходимость, 2) язык приказаний психологически гораздо ближе сердцу воински воспитанного элемента, чем язык воззваний, предполагающий добровольчество. В военных решениях, даже мирного времени, нет места колебаниям. Принятие решений вызывает приказ, указывающий каждому его место и задачи. Исполнение же должно следовать автоматически и немедленно, причем всякое отступление от этого должно быть наказуемо. Такова природа военного дела, все искажения которой во все времена вели к катастрофе.

Создавая инструкторские части при полках, мы достигаем двойной цели: мы усиливаем кадры, чем облегчаем обучение новобранцев и сразу же приобретаем некую силу, вполне годную для решения военной задачи»⁵⁷.

«Нужно помнить, что те условия жизни, которыми сейчас пользуются все устремившиеся на Украину, покоятся на силе, правда, не нашей, но тем хуже для нас, ибо сама жизнь ставится в зависимость от присутствия этой силы. Казалось бы, вывод отсюда простой: нужно все собственные силы и средства вложить в создание армии, которая отсюда никогда и никуда не уйдет, такую же будет только своя национальная армия, построенная на регулярных началах. И, я думаю, что в этом смысле все государственно мыслящие элементы должны определенно идти нам навстречу, ибо момент слишком серьезен, чтобы думать о личном удобстве. Время таково, что самым жизненным лозунгом будет только один: "Все для армии", ибо если будет армия, все остальное приложится»⁵⁸.

Сливинский призывал к скорейшему созданию регулярной дисциплинированной армии на случай возможной войны. Упомянул он закон об инструкторских частях, которые формировались для усиления кадров и для скорейшего получения боеспособных частей при полках.

Интересно, что в этом интервью он открыто восхищался организацией Добровольческой и Донской армий. По его мнению, они были совершенными. При этом начальник украинского Генштаба удивлялся, как таким армиям могли сопротивляться красные. Как мы знаем сегодня, белые армии были далеко не совершенны, однако наблюдавшему со стороны офицеру старого Генерального штаба понимание этого, видимо, еще не могло прийти даже осенью 1918 года. Красных же Сливинский, очевидно, воспринимал как противника. 31 октября 1918 г. Сливинскому было установлено старшинство в чине с 24 декабря 1915 г., а сам он произведен в полковники.

Наконец, еще одна беседа со Сливинским была опубликована в военной газете «Армия» 10 ноября 1918 г. в связи с чрезвычайными

решениями гетманской власти в области обеспечения безопасности. Сливинский рассказал тогда корреспонденту о положении дел в сфере формирования армии: «С первого дня существования Генерального штаба это чисто воинское учреждение стоит на одном и том же принципе, незыблемость которого прочно установлена историей всех стран и народов: на принципе создания правильно организованной армии. Для достижения этой цели выполнена огромная работа, начиная с создания основного закона о воинской повинности и кончая созданием кадров для формирования армии. Все, что при крайне стесненном положении страны можно было сделать для возможно широкой организации войсковых ячеек, мы делали, события пока не приняли столь резкого и острого хода, каким они отличаются сейчас.

Начавшаяся революция в Австрии, усиление большевистской пропаганды внутри страны, явные признаки усиливающегося разбоя и грабежа, — все это факт такого значения и порядка, что размышлять об их значении и роли нет ни надобности, ни времени. Здесь нужно действовать. И действовать только решительно, не останавливаясь ни перед расходами, ни перед какими-либо затруднениями.

Первое условие такой решительности — концентрация власти, поэтому, когда объявляется военное положение, я говорю, что это только необходимо. Ибо, хотя наша армия сейчас еще находится в стадии формирования, но все ее организационные единицы имеются налицо, все они насыщены офицерским составом, то есть тем самым элементом, на который с надеждой и уверенностью смотрит общество в минуты опасности. Весь вопрос в их насыщении людским материалом. Но эта задача разрешается проще, чем это кажется в первые минуты опасности.

В самом обществе за последнее время крепнет идея вооруженного отпора анархии. Если весь поток людей, готовых отдать свои силы этому святому делу, направится в свои части, задача будет решена. Идти путем особых формирований каждого уезда, каждого города, а то и каждой волости, значит, дробить силы, подвергаясь опасности быть разбитыми по частям. Большевизм опасен не только в каком-нибудь одном уезде или городе, а всюду. Потому и борьба с ним возможна и целесообразна только в государственном масштабе, только путем объединения всех усилий в этом направлении в руках военного командования.

На основании имеющихся у меня донесений я знаю, что в руках военной власти может быть сосредоточено количество офицеров, измеряющееся тысячами. Это вполне обеспечивает и грамотность и силу сопротивления. Должен заметить, что наши кадры, даже в малом своем составе, выдержали испытание: в дни брожения австрийских частей они были широко привлечены к несению охранной службы и несут ее отлично. Осмотр Сердюкской дивизии участниками съезда хлеборобов вам известен. Нельзя ни минуты забывать, что это все достигнуто трудом офицеров и военного командования.

Если бы мы шли путем исключительно офицерских формирований, конечно, мы не имели бы ни этой дивизии, ни кадров войск на местах, совершенно готовых к принятию какого угодно контингента для пополнения их рядов. Мы твердо выдерживаем свою программу, вместе с тем цена офицерский состав не как волевою силу, как его

рассматривают некоторые круги в минуты острого напряжения опасности, а как командный состав, служащий опорой страны, около которой должны быть сгруппированы все элементы порядка и могут дисциплинироваться аморфные массы населения. Допускать распыление этого ценного элемента недопустимо, и с нашей стороны принимаются все меры для широкого использования офицерского состава по его прямому назначению и ограждению прав тех из них, кто работает над созданием настоящей вооруженной силы.

Если иногда в обществе складывается мнение о недостаточной интенсивности нашей работы, то это не более, как недоразумение, вызванное отчасти тем, что не все в нашей работе поддается оглашению, отчасти же тем, что, прежде, чем мы приобрели право говорить о какой-нибудь своей готовности к сопротивлению, должно было пройти немало времени. Но оно нами потеряно не было. Повторяю, что оно ушло исключительно на подготовку кадра, которая теперь уже закончена. Придут люди и будет армия. Если это будут сырые новобранцы, понадобится время на их обучение и воспитание, если это будут полуобученные или поддающиеся ускоренному обучению контингенты — армия сложится раньше.

Но и в том и в другом случае важно главное: полная мочь специалистам в их работе, ибо эта работа нужна не им самим, а всей стране и всему ее населению. Когда человека берут за горло, он не цитирует преступнику уголовного кодекса, а бьет его тем оружием, какое нашлось при себе. И безопасность страны в смысле большевистском есть именно зажим горла, требующий от предусмотрительных людей запасливости оружия, а оружие государства — его армия.

Из этого не следует, что вся жизнь должна замереть в предвидении черных дней, напротив — жизнь продолжается, но вопросам вооружений должно быть отведено первое место в ряду различных потребностей страны»⁵⁹.

Интервью Сливинского отчетливо показывают, что это был, видимо, склонный к демагогии (во всех интервью не сказано практически ничего) офицер-антибольшевик, причем отнюдь не ориентированный на украинских националистов.

Поражение Германии в первой мировой войне и оставление Украины немецкими оккупационными войсками предопределило падение гетманского режима. Вскоре после капитуляции немцев, 14 ноября, Сливинский встретился с офицерами Генерального штаба и неожиданно заявил им: «Я собрал вас, господа, с единственной целью. Теперь настал момент, когда необходимо говорить откровенно и прямо. Вот уже шесть месяцев, как на Украине идет работа по созданию армии под руководством 200 или 300 офицеров Генерального штаба. За их и вашу работу моральная ответственность ложится на меня. Поэтому я считаю необходимым высказаться.

Настал час возрождения России. В каких формах это совершится — решать не нам, но что оно будет, не подлежит никакому сомнению. И в этом смысле работа Генерального штаба не может быть ни односторонней, ни неопределенной. Каждому из здесь присутствующих совершенно ясно, что только единство воли и действий обеспечит успех в борьбе. А потому я нахожу нужным ясно определить наше отношение к разнородным формированиям на территории быв-

шей России, и я знаю, что оно не может быть никаким, кроме братского. Против большевиков должен быть создан единый фронт, и на этом фронте Украина должна занять подобающее место.

Я прошу вас считать, что вы все работаете в этом смысле и в этом направлении, что ваша работа имеет целью участие наше в процессе возрождения России в тесном контакте со всеми силами, идущими к той же цели, как созданными в России, так и с державами Согласия»⁶⁰. Последовавший обмен мнениями выяснил полное единство взглядов на этот вопрос у офицеров-генштабистов.

Итак, речь шла о возрождении России, а не Украины и о едином антибольшевистском фронте. В одном из выступлений Сливинский даже заявил, что пора скинуть маску и провозгласить федерацию⁶¹. Участвовал он и в подготовке федеративной грамоты гетмана Скоропадского 14 ноября 1918 г., в которой говорилось о будущей Украине как автономии в составе федеративной России, освобожденной от большевиков.

Откровенное пророссийское заявление начальника Генштаба было, судя по всему, воспринято в украинских кругах неоднозначно. Уже в следующем номере газета напечатала разъяснение, производившее впечатление самооправдания: «В связи с появившимися в печати сведениями о собрании офицеров Генерального штаба и речью полк. А.В. Сливинского наш сотрудник получил сегодня из вполне осведомленного источника следующие дополнительные сведения.

Собрание было созвано ввиду сознававшейся необходимости установить точно и ясно свое отношение к вопросу борьбы с большевизмом, о чем до сих пор в виду официального пребывания в Киеве представителей Советской республики не могло быть речи. С их отъездом вопрос о признании необходимости единого фронта против большевистской опасности возник сам собою, и речь начальника Генерального штаба в этом смысле явилась лишь принципиальным утверждением этой необходимости.

К сожалению, благодаря некоторым неточностям передачи, самый факт произнесения этой речи принял характер, которого он в сущности совсем не имеет. Так, например, вопрос объединения России был затронут только как принцип и как военная возможность с целью уничтожения большевистской власти, и отнюдь не предрешая вопроса о той или иной его политической форме. Равным образом вовсе не затрагивался вопрос о форме объединения фронта, так как для этого пока нет необходимых конкретных данных, а было лишь установлено принципиальное отношение к такому объединению, очевидная необходимость которого не возбуждает сомнений.

Равным образом вовсе не упоминалось о каких-либо лицах или мероприятиях для осуществления признанного необходимым единства»⁶².

Таким образом, газета отметила, что идея создания единого фронта против большевиков, о которой заявил Сливинский, не предрешала будущих форм государственного устройства России и не предполагала конкретики, а являлась лишь намерением.

17 ноября 1918 г. Сливинский оставил должность начальника Генерального штаба. Возможно, причиной стала его слишком пророссийская позиция. В прощальном приказе № 198-а он отмечал: «17

сего ноября я сдал должность начальника Генерального штаба, на которой состоял более 8 месяцев. Только горячая любовь к Родине и вера в ее скорое возрождение руководили мною, уверен, как и всеми вами, мои сослуживцы и помощники, в нашей тяжелой и ответственной работе.

Единый лозунг вдохновлял нас — это скорейшее создание мощной армии, столь необходимой для спасения нашей Родины, армии, построенной на научных и исторических началах.

Работа наша не была безуспешна: в период величайшей разрухи нам удалось спасти, устроить и подготовить кадры более чем 60 полков старой русской армии с органами военного управления, со всеми специальными и вспомогательными частями. Работа по созданию армии в течение ближайшего времени должна завершиться.

Столь грандиозный труд мог быть исполнен лишь при полном напряжении Ваших сил, при дружной и самоотверженной Вашей работе. Не дождавшись счастливой минуты завершения нашей работы, я ухожу со своего поста с чистым сердцем и сознанием исполненного перед великой нашей Родиной долга и прошу Вас, мои сослуживцы и помощники, от лица службы и моего, принять искреннюю и глубокую благодарность за Вашу постоянную помощь и доверие.

Грущу, что расставаясь с Вами, не имею возможности видеть всех Вас и благодарно пожать Ваши руки.

Дай Бог Вам успешно продолжать работу по созданию армии. Родина ждет этого от Вас»⁶³.

Этот документ интересен хотя бы тем, что в нем ни разу не упомянуто слово «Украина». Кроме того, приказ был написан на русском языке и только заголовок на украинском. От должности Сливинский был уволен с назначением в распоряжение военного министра и с зачислением по Генштабу. Новым начальником Генштаба стал губернский староста Киевщины генеральный хорунжий П.М. Адрианов⁶⁴.

В конце 1918 г. Сливинского взял к себе генералом для поручений его прежний командир граф Келлер, руководивший добровольческими формированиями в Киеве⁶⁵.

Интересно, что в канун крушения гетманской власти, 24 ноября 1918 г., Сливинский и Вишневская обвенчались в домово́й церкви 2-й киевской мужской гимназии в присутствии графа Келлера. Сливинский усыновил ребенка супруги от первого брака.

Венчанию предшествовал следующий показательный диалог.

Сливинский: «И что вы предполагаете теперь делать? Ведь на днях здесь будут петлюровцы, и в лучшем случае всем удастся бежать».

Вишневская: «Я выйду за вас раньше замуж».

Сливинский: «А что если теперь я этого не захочу? Ведь сейчас ни положения, ни средств иметь я не буду».

Вишневская: «В этом случае мы совсем в одинаковом положении»⁶⁶.

Родственник супруги Сливинского, офицер Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Ю.К. Мейер, вспоминал: «Гетман Скоропадский делал попытки создать собственные украинские воинские части. Начальником Генерального штаба при нем был полков-

ник Ген. штаба Александр Владимирович Сливинский, бывший начальник штаба дивизии, которой командовал граф Келлер. Сливинский незадолго до нашего приезда женился на моей тетке Марии Андреевне, у которой мы жили. Создание гетманской армии ни к чему не привело, так как после ухода немцев в декабре 1918 года эти части не смогли оказать серьезного сопротивления партизанским отрядам Симона Петлюры»⁶⁷. Интересно, что, по свидетельству Мейера, «под самый конец правления гетмана Келлер в сопровождении своего адъютанта полковника Пантелеева приехал в Киев и жил у Сливинских на Левашевской улице, где в то время жили и мы. При приходе украинцев Келлер и Пантелеев переселились в другое место»⁶⁸. По словам супруги Сливинского вообще их квартира была местом встреч антибольшевистски настроенных офицеров, а с переездом в начале декабря Келлера «превратилась в какой-то штаб: с раннего утра приходил народ, телефон не переставал работать»⁶⁹. Сам Сливинский вскоре нашел убежище в семье знакомой С.Ф. Русовой, а далее «часто перебегал от одних друзей к другим и при первом удобном случае вообще должен был покинуть Киев», причем даже супруга не знала, где именно он находился⁷⁰.

В декабре 1918 г., после крушения гетманской власти, Сливинский по охваченной Гражданской войной Украине с театральной труппой перебрался в Одессу. Затем туда же уехала его супруга, по свидетельству которой, удалось устроиться у знакомых «в большой хорошей комнате; обедали все вместе в большой кутящей компании, по вечерам развлекались в театрах, кинематографах; устраивали чай, ходили на концерты»⁷¹. С переходом Одессы под власть большевиков весной 1919 г. Сливинские перешли на нелегальное положение, раздобыв чужие паспорта⁷². Впрочем, в дальнейшем пришлось легализоваться. Как вспоминала супруга Сливинского, «через печать вызывались отдельные лица в особую военную комиссию, якобы для регистрации и назначений на места. Одним из первых был вызван генерал Рогоза, бывший военный министр при гетмане, но вместо назначения он был посажен в тюрьму, а затем расстрелян. Все офицеры Генерального штаба были вызваны отдельно в три срока. Ни в один из них А.В. [Сливинский] не пошел, тогда его вызвали персонально, напечатав в официальной газете, что в трехдневный срок он должен явиться, т.к. такие способные офицеры в настоящее время крайне нужны, и его ожидает большое назначение, за неявку же грозят ему заслуженные последствия. Прочитали, подумали и пошли регистрироваться. Почти всюду ходили вместе и были очень хорошо приняты. Сразу же предоставили нам возможность получить из банка собственные деньги... Выдали нам также крупный аванс и литературу для поездки в Киев, куда назначили Ал[ександра] Вл[адимирови]ча в распоряжение штаба, где он якобы должен был получить видное место»⁷³.

И действительно, летом 1919 г. Сливинский был зарегистрирован красными в Одессе как генштабист и вызывался в резерв штаба наркомата по военным делам Украинской ССР⁷⁴. Впрочем, службы у красных он постарался избежать. Уже на вокзале Сливинские вошли в вагон, но перед самым отходом поезда соскочили и бежали. Пешком дошли вдоль побережья до колонии Люстдорф, затем возвратились в Одессу. После нескольких дней временного проживания у

знакомых решили спрятать Сливинского в доме умалишенных в двух верстах от города. Супруга Сливинского значилась по разным документам в трех местах, причем даже сотрудничала с разведывательной организацией «Азбука», работавшей в пользу белых. В работу был вовлечен и сам Сливинский, разрабатывавший планы операций. В итоге они дождались взятия Одессы белыми. При них Сливинский стал печатать в газетах военные обзоры и этим неплохо зарабатывал на жизнь и даже смог, благодаря заработкам, получить по реквизиции большую комнату в центре. При этом пасынок Сливинского служил у белых. Жизнь Сливинских в Одессе была в целом спокойной. Сливинская вспоминала: «Жилось нам в Одессе при добровольцах хорошо. Заработков Ал[ександра] Вл[адимировича] нам хватало на нашу скромную жизнь с избытком, так что даже откладывали. Всегда были в курсе политических дел и военных действий нашей Добровольческой армии, которая победоносно шла на Орел»⁷⁵. Сливинские даже вновь побывали в Киеве, разыскивая родственников. Тогда Сливинский перенес тяжелейший сыпной тиф и едва не умер, причем в горячке кричал, что ему нужно спасти офицерство⁷⁶. Затем Сливинские эвакуировались из Одессы в Севастополь.

В качестве курьеза следует отметить, что вплоть до июля 1919 г. Сливинский значился как канцелярист 3-го ранга в военном министерстве Украинской народной республики, причем, когда военным министром стал полковник В.Н. Петров, он неудачно пытался реабилитировать Сливинского перед петлюровским руководством как начальника Генштаба при гетмане⁷⁷.

В конце 1919 — начале 1920 г. Сливинские эвакуировались из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В устройстве личных дел пригодилось знакомство Сливинского с Врангелем. По данным на май 1920 г. они находились в Югославии. Затем Сливинский получил назначение от Врангеля для связи в Польшу. Отправился он туда вместе с супругой, но в Каменце-Подольском застал отступавших поляков и возвратился в Белград⁷⁸.

После этого Сливинский получил от Врангеля вызов в Крым, куда прибыл с супругой за несколько дней до эвакуации белых. Осенью 1920 г. он вновь эвакуировался из Севастополя на пароходе «Сегед» как прикомандированный к отделу генерал-квартирмейстера штаба Русской армии, вместе с ним ехали еще два человека⁷⁹. Характерно, что в 1921 и 1923 гг. Сливинский испрашивал у штаба Врангеля денежную компенсацию за вызов его в 1920 г. в Крым⁸⁰.

В эмиграции Сливинский поселился в Сербии, в Приеполе, работал инженером-строителем. Уже в первые годы эмиграции он, позабыв бывшее увлечение украинством, вступил в общество русских офицеров Генерального штаба⁸¹. Впрочем, к 1925 г. Сливинский значился среди тех, кто утратил связь с обществом. В ноябре 1926 г., однако, он нашелся и восстановился в обществе, из которого был за утратой связи исключен. Для этого пришлось внести 20 динар⁸².

Жизнь в изгнании, очевидно, пробудила ностальгию по прежней службе, причем в русской армии. Сливинский занялся военно-историческими исследованиями. В 1921 г. в Сербии он издал брошюру

«Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославиче». Мотив, двигавший автором, изложен в самом начале книги: «Глубокая признательность и светлая память о незабвенном моем боевом учителе генерале от кавалерии графе Фёдоре Артуровиче Келлере и о славных полках 10-й кавалерийской дивизии (новгородские драгуны, одесские уланы, ингерманландские гусары, оренбургские казаки и донские батареи), с которыми я провел почти три года Великой войны и с которыми делил лишения, опасности и славу, заставили меня написать свои воспоминания об одном из блестящих дней их боевой жизни.

Пусть современники и потомки ведают об их подвигах недавнего прошлого»⁸³. Здесь очевидно влияние пушкинских строк из «Бориса Годунова» — «Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу».

В этой небольшой работе Сливинский провел глубокое научное исследование конного боя, а также изложил собственные впечатления в качестве его участника. Помимо аналитической части брошюра содержала схемы и боевые расписания. Из этой работы мы можем несколько лучше представить взгляды самого автора на различные вопросы. Среди прочего он отмечал, что «бой, прежде всего, есть человеческая драма, в которой психика достигает величайшего напряжения, где она могуче борется со сковывающими и регулируемыми ее формами и формулами, разорвав которые, дух побеждает чисто математически точные расчеты материи»⁸⁴. При этом итоговые рассуждения автора о характере будущих войн достаточно интересны. Важный вопрос, который его волновал, касался возможности использования конницы в войнах будущего. Опыт Гражданской войны показал, что ее широкое применение вполне возможно, на вопрос о том, будет ли у конницы подобная возможность в дальнейшем, Сливинский однозначного ответа не дал⁸⁵.

В эмиграции Сливинскому пришлось сменить профессию. Есть данные о том, что он занимался подрядами по проведению шоссе в Боснии⁸⁶. В 1925 г. переехал в Германию, почему, видимо, утратил связь с товарищами по обществу офицеров Генштаба. В 1951 г. он перебрался в традиционную для украинской эмиграции Канаду и умер в Монреале 21 декабря 1953 года.

Современники характеризовали Сливинского как рассудительного человека, оказавшегося на трудном, с точки зрения отстаивания русских интересов, посту. Его биография демонстрирует непростой жизненный путь русского по духу, языку и культуре офицера, временно связавшего свою жизнь и карьеру с украинской идеей, но так и не прибывшего к украинскому национальному движению. Сливинский, несомненно, хотел играть роль, мечтал о наполеоновских лаврах, что было распространено среди молодых офицеров эпохи Гражданской войны. На своем посту он поддерживал белых. Как и у ряда других деятелей гетманской эпохи, взгляды Сливинского отличались противоречивостью, неустойчивостью и сочетали в себе как русский патриотизм и антибольшевизм, так и определенные проукраинские симпатии. С падением гетманского режима Сливинский завершил и украинский эпизод своей карьеры, так и оставшийся эпизодом.

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

1. Центральный военный архив Польши им. майора Болеслава Валигоры. 1.380.2.230, л. 239.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. 3, д. 8500, л. 10б.
3. Там же.
4. Явная ошибка мемуариста — в академию можно было поступать через три года службы в офицерских чинах, то есть после окончания военного училища, а не кадетского корпуса.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5881, оп. 2, д. 606, л. 16–17.
6. Высочайший приказ от 10 ноября 1915 г.
7. Высочайший приказ от 30 декабря 1915 г.
8. СЛИВИНСКИЙ А.В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославце. Сербия. 1921, с. 49.
9. СЛИВИНСКАЯ М.А. Мои воспоминания. В кн.: «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб. 2013, с. 89.
10. ГА РФ, ф. Р-336, оп. 1, д. 398.
11. SKRUKWA G. Formacje Wojskowe Ukraińskiej «Rewolucji Narodowej» 1914–1921. Toruń. 2008. s. 162–163.
12. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1269, л. 300–301; д. 1313, л. 51–52.
13. Там же, д. 1257, л. 50.
14. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 78.
15. Там же, с. 81.
16. ГОЛУБКО В. Армія Української народної республіки 1917–1918. Утворення та боротьба за державу. Кальварія-Львів. 1997, с. 195.
17. СІДАК В.С. Національні спецслужби в період Української революції 1917–1921 рр. (невідомі сторінки історії). К. 1998, с. 68.
18. Смысл не вполне ясен, так как Сливинский и был начальником Генштаба.
19. Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М. 1936, с. 116.
20. СКОРОПАДСЬКИЙ П.П. Спогади. К.-Філадельфія. 1995, с. 157.
21. Ведомственный архив Службы безопасности Украины, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 54, л. 22.
22. Правильно — подполковник.
23. СКОРОПАДСЬКИЙ П.П. Ук. соч., с. 181–182.
24. Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. Сб. документов. М. 2014, с. 85, 115, 121.
25. Там же, с. 451.
26. Там же, с. 479.
27. Этот пост занимал сам мемуарист.
28. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ), ф. 4547, оп. 1, д. 1, л. 93–94. Опубликовано в: Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе, с. 677.
29. Красный хоровод: Повести, рассказы. М. 2008, с. 148.
30. ЦДАВОУ, ф. 4547, оп. 1, д. 1, л. 96, 99; Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе, с. 678–679.
31. ТЕРАСПОЛЬСКИЙ К. Организация украинской армии. — Известия народного комиссариата по военным делам. № 81, 04.08.1918, с. 3.
32. ОМЕЛЯНОВИЧ-ПАВЛЕНКО М. Спогади командарма (1917–1920). К. 2007, с. 90. Перевод наш.
33. ПЕТРИВ В. Військово-історичні праці. Спомини. К. 2002, с. 363, 570. Перевод наш.
34. ГРЕКОВ А.П. Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине). З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ (Ки в). 2004, № 1/2 (22/23), с. 143.
35. ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 606, л. 17.
36. Тогда подполковник.

37. Мумм фон Шварценштейн Филипп Альфонс (1857—1924) — барон, германский посол на Украине.
38. СВЕЧИН М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца. 1964, с. 176—179.
39. ВРАНГЕЛЬ П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М. 1992, с. 98—99.
40. Армия. Ежедневная военно-морская газета (Киев). № 3, 07.11.1918, с. 3.
41. ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 43, л. 105об.
42. Украинская армия (беседа с начальником Генерального штаба). — Последние новости (Киев). № 5224, 05.10 (22.09).1918, с. 3—4.
43. Беседа с начальником Генерального штаба. — Там же. № 5232, 10.10 (27.09).1918, с. 3.
44. Речь идет о немецком военном присутствии.
45. Беседа с начальником Генерального штаба, с. 3.
46. Там же.
47. В тексте несогласованно — готовность.
48. Беседа с начальником Генерального штаба, с. 3.
49. Военное дело (Москва). № 21, 25.10.1918, с. 24.
50. Беседа с начальником Генерального штаба, с. 2.
51. Там же.
52. Так в тексте.
53. Беседа с начальником Генерального штаба, с. 2.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же, с. 3.
57. Там же.
58. Там же.
59. Беседа с начальником Генерального штаба. — Армия. № 6, 10.11.1918, с. 1—2.
60. В Генеральном штабе. — Там же. № 10, 15.11.1918, с. 1.
61. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ), ф. 269, оп. 2, д. 128, л. 49.
62. В Генеральном штабе. № 11, 16.11.1918, с. 3.
63. ЦДАГОУ, ф. 269, оп. 2, д. 267, л. 1.
64. Там же, ф. 1077, оп. 1, д. 1, л. 215.
65. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 88.
66. Там же, с. 89.
67. МЕЙЕР Ю.К. Записки последнего кирасира. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. 6. М. 1995, с. 614.
68. Там же, с. 618.
69. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 89.
70. Там же, с. 91.
71. Там же, с. 94, 96.
72. Там же, с. 97.
73. Там же, с. 98—99.
74. Российский государственный военный архив, ф. 6, оп. 4, д. 918, л. 297; д. 921, л. 64об.
75. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 105.
76. Там же, с. 111.
77. Процесс генерала Мирона Тарнавского в 1919 р. Вінніпег. 1976, с. 19.
78. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 119.
79. ГА РФ, ф. Р-5982, оп. 1, д. 52, л. 50.
80. Там же, ф. Р-7518, оп. 1, д. 7, л. 1.
81. Там же, ф. Р-5945, оп. 1, д. 3, л. 71.
82. Там же, д. 14, л. 31, 45.
83. СЛИВИНСКИЙ А.В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославце. Сербия. 1921, с. 3.
84. Там же, с. 28.
85. Там же, с. 54.
86. Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет. V.M. Pronin collection.